

POST PAST

#2 (2015)

Научно
популярный
журнал

СНО

истфака
МГУ

*Ксюша Веринчук
Двигатель процесса*

«А что, новый номер будет?» — с удивлением спросил меня один из авторов. «Конечно, будет!» — бодро ответила я, подавляя паническую атаку.

Это был долгий путь! Решив отказаться от принципа подбора статей «кто в лес, кто по дрова», мы тут же напоролась на проблему выбора темы для номера.

И вот встречайте
— «POST PAST #2. Маргиналы в Российской империи».

Вряд ли можно сказать, что тема идеальная, и наверняка кому-то наш выбор покажется надуманным, а кому-то вычурным. Но я надеюсь, что больше будет тех, кто откроет выстраданный файл и скажет «О, классно!». И даже прочтает пару статей. Или даже — смею верить! — прочтет это обращение.

Над номером работали:
Веринчук Ксюша, Чернов Саша, Плотникова Галя

Авторы статей:
Алмазов Миша, Кириллов Витя, Носов Тема,
Прилуцкая Аня, Панькина Маша, Воскресенская
Лена (СПбГУ), Эпштейн Эдик (ВШЭ)

Иллюстрации Адаевой Лизы

Контакты:

Журнал вКонтакте: vk.com/hist_post_past

СНО вКонтакте: vk.com/clubssmsu

Журнал создан Студенческим Научным Обществом истфака МГУ

Все права защищены.

Полное или частичное воспроизведение статей и материалов, опубликованных в POST PAST, допускается только с письменного разрешения редакции.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

АКТУАЛЬНОЕ

3 Наши мероприятия

4 Слово студенту!

СТАТЬИ Маргиналы Российской империи

5 Покушение, которого не было: Елисаветградское дело 1869 г.

9 Правовое положение старообрядцев накануне дарования им свобод

13 Последний Сусанин Романовых

18 «Стояние за прилавком было идейным делом»: женское общественное движение в пореформенную эпоху

ДОКУМЕНТ

22 Дневник государственного секретаря Е.А. Перетца (1880-1883)

СПЕЦПРОЕКТ

24 Телесные наказания на Сахалинской каторге: Contra et Contra

КОНТЕНТ Как писать доклады

29 Интервью

30 Как написать основную часть доклада?

31 Опрос: что самое важное в докладе?

Наші мероприятия

Диалог автора и издателя: встреча-обсуждение

28 ноября в гости к СНО приходила Ирина Прохорова — главный редактор издательства «Новое литературное обозрение». Мы обсуждали взаимодействие автора и издателя, проблемы издания академической книги и вечные интеллигентские вопросы — время пролетело незаметно!

Встреча «Как писать доклады?»

9 апреля сезон докладов был в разгаре, и мы решили помочь ребятам с младших курсов. Сначала три наших докладчика поделились своими идеями о написании курсовых, а потом мы включили чайники и перешли к неформальному общению...

Форум «Новое поколение в исторической науке»

14 апреля у нас прошла потрясающая встреча — мы принимали гостей из четырех истфаков Москвы (ВШЭ, ГАУГН, МПГУ и РГГУ)! После презентаций каждого факультета мы обсудили возможности создания совместных проектов, а еще пообещали друг другу, что эта встреча не станет последней!

Круглый стол «Популяризация исторической науки»

11 марта мы собрали кучу замечательных преподавателей нашего факультета, чтобы обсудить животрепещущую проблему. Наш новый друг, Ирина Прохорова, тоже присоединилась к дискуссии.

Слово студенту!

В марте 2015 мы провели большой круглый стол по популяризации исторической науки. Благодаря Вике Гвоздевой, которая придумала это мероприятие и позвала более 10 преподавателей, и А.Ю. Володину, который согласился модерировать дискуссию, все прошло здорово! Однако результаты диалога оказались неоднозначны, и не все участники мероприятия остались довольны. Предоставим слово нашему коллеге из НИУ ВШЭ, председателю студсовета Эдику Эпштейну:

«11 марта в стенах истфака МГУ прошёл круглый стол, который привлёк мое внимание не только приглашённой И. Д. Прохоровой, но и актуальной тематикой — популяризацией истории. Как молодой представитель научного сообщества (хожу в библиотеки, архивы, пишу статьи), а также активный юзер социальных сетей, я ожидал от этого мероприятия чего-то интересного.

Пришло много народу. Были студенты, кандидаты и доктора наук. Собрались все в тесноватой аудитории в Шуваловском корпусе. Начали вещать преподаватели. После пятого-шестого оратора я задумался и расстроился: говорили о чем угодно, но не о популяризации. Вспомнили книги Гаспарова, крутых популяризаторов начала XX столетия, книги Баткина, фильмы BBC, отметили, что историку либо дано красиво и интересно рассказывать, либо нет; и прочее в этом духе. В общем, такие названия, как «ПостНаука» и проект «Арзамас», я услышал один раз за три часа беседы, а про социальные сети вообще не было сказано ни слова.

К чему я все это? Я глубоко уважаю наших преподавателей, это прекрасные ученые и хорошие люди — но между нами огромная пропасть во всём: во времени, в поколении, в отношении к истории, но самое главное — в вопросе о популяризации. Что это и для чего она нужна, мэтры ответить не смогли. Всё потому, как правильно отметила Ирина Дмитриевна, что в академической среде — в самом историческом сообществе — глубокий кризис: слишком много людей, которые не только слово Facebook не знают, но и телевизор дома не держат (фильмы Парфенова или другие интересные проекты можно же посмотреть).

Вспомнили передачу «Час истины». Хорошая передача, да, интересные беседы, но, как бы сказать, это уже 2005-2007 гг. Дорогие преподаватели и доктора наук! Спросите нас, студентов, мы

вам расскажем, как сейчас историческая наука популяризируется, какие существуют проекты, передачи, каналы популяризации. Студентам слово не дали, а жаль...

Теперь по существу. Мне кажется, такие образовательно-виртуальные проекты, как postnauka, coursera, arzamas.academy, — это флагманы, локомотивы популяризации исторической науки. Не стоит забывать и о различных пабликах в VK и Facebook. 90% молодёжи, среди которых есть и будущие ученые, сидят в соцсетях, визуализируют свои доклады и рассказывают о своих курсовых и дипломах: интересно, простым языком и доступно.

Н.С. Борисов, который, кстати, пытается популяризовать науку в СМИ, высказал прекрасную мысль: нужно учить студентов русскому языку, риторике, чтобы они умели интересно рассказывать. Согласен, более того, нужно историкам читать смежные курсы с журфака, рекламы, чтобы они тоже этими навыками обладали.

Популяризация исторической науки сегодняшнего дня — это не дело для истфакских преподавателей в возрасте, которые закапываются в своих темах, иногда даже нудят и не видят ничего вокруг (но им за это спасибо — они формируют академический фундамент в наших головах!). Популяризация — это наша задача, задача студентов, аспирантов, молодых ученых, которые обладают современными навыками, позволяющими историческое знание «вкусно» и интересно подать общественности.»

Есть что сказать?

Напиши нам, и мы опубликуем твое мнение!

Покушение, которого не было: «Елизаветградское дело» 1869 г.

Аморальность, заговорщичество, радикализм – часто именно такими представляются постсоветскому историку основные черты мировоззрения шестидесятников. Одним из аргументов в пользу подобного взгляда является дело о несостоявшемся покушении на Александра II. Проанализированные мной источники, однако, позволяют перенести «Елизаветградское дело» совсем на другую чашу весов в споре о степени радикализма революционного движения конца 1860-х гг.

28 октября 1869 г. елизаветградский полицмейстер получил в почтовой конторе письмо от некоего агента петербургской полиции Константина «Клоч...» (далее неразборчиво). Агент сообщал, что в город недавно приехали два молодых человека с целью сделать под- коп под железной дорогой и взорвать императорский поезд. Но покушение провалилось, так как царь «миновал этот путь». Некий товарищ террористов, приехавший к ним из Одессы, предлагал также взорвать почтовый поезд, а одному из них советовал бежать за границу. Анонимный автор был свидетелем этого разговора и проследил за двумя молодыми людьми, вследствие чего узнал адрес их проживания.

На следующее утро полиция выяснила, что по указанному адресу уже две недели снимали квартиру два человека, занимавшиеся письмоводством; одного жильца удалось арестовать, другого же на месте не оказалось. Арестованным оказался Василий Кунтушев, выходец из семьи вольноотпущенных крестьян Саратовской губернии, бывший участник петербургского революционного кружка «Сморгонская академия». В первой половине 1869 г. он, проживая в Саратове, близко сошёлся с Михаилом Троицким, сыном дворянина-чиновника; Троицкий тоже имел некоторый революционный опыт – его судили за «имение запрещённых книг». По словам арестованного Кунтушева, они с Троицким приехали в Одессу для поступления в Новороссийский университет, но из-за финансовых трудностей в конце августа переехали в Елизаветград (там дешевле жить).

В результате обыска в квартире были обнаружены несколько исписанных стенографическими знаками листов, руководства к стенографии и большой железный молоток. У Кунтушева почти не было вещей и денег вообще. Хозяйка показала, что квартиранты появились у неё около недели назад, в свою комнату не пускали, а Троицкий часто куда-то отлучался. 29 октября, в день ареста Кунтушева, Троицкий с утра ушёл, сказав, что ненадолго идёт к прачке, и взял с собой небольшую сумку и что-то завернутое в белом подмышку. Свидетели добавили, что среди вещей постояльцев был небольшой, но туго набитый и тяжёлый чемодан, которого не обнаружили при обыске. Кунтушев заявлял, что ему неизвестно, куда и зачем уехал Троицкий, и что никакого чемодана у них не было. Как показала переписка одесских властей с III отделением, никакого агента по фамилии Клочь или Клочков не существовало. Проведённое в ноябре обследование

участка Киево-Одесской железной дороги от Балты до Елизаветграда не выявило никаких признаков подготавливаемого покушения; подозрительные лица в районе путей также не встречались. Таковы были первоначальные результаты дознания.

Советский историк Б. П. Козьмин, описывая эти факты, поставил вопрос: а имел ли донос какие-либо основания? По его мнению, если и были мысли о цареубийстве, то «всё дело ограничилось лишь разговорами», и возможно, «эти-то разговоры и послужили неизвестному нам лицу поводом для доноса». Неопределённость этого вывода не помешала последующим исследователям, ссылаясь на Козьмина, использовать «Елизаветградское дело» в качестве косвенного доказательства террористических взглядов других революционеров: Э. С. Виленская, не сомневаясь в реальности обвинения, считала, что знакомство террористически настроенных фигурантов «Елизаветградского дела» с ишутинцами в 1866 г. свидетельствует о серьёзной террористической программе в ишутинской «Организации»; Е. И. Щербакова склоняется к тому, что донос был вызван «террористическими прожектами», якобы обсуждаемыми в упомянутом выше кружке «Сморгонская академия».

Следственное дело III отделения, содержащее не-

известные в литературе подробности этой истории, так и осталось неизученным. Козьмин анализировал аналогичное, но менее подробное и неполное дело Следственной комиссии по делам о государственных преступлениях. Другие историки, как правило, только ссылались на пересказ Козьмина. К архивному делу III отделения выборочно обращался В. Я. Гросул, но это не повлекло за собой пересмотр сложившихся выводов.

Вернёмся же в Херсонскую губернию 1869 года, к событиям, не попавшим в поле зрения историков. 5

ноября, через несколько дней после ареста Кунтушева и таинственного исчезновения Троицкого, полицмейстер города Николаева получил анонимное письмо. Его автор сообщал, что недавно попал в преступное общество, имевшее целью низвергнуть существующий строй, «не пренебрегая никакими средствами». Двое из членов общества находились на момент написания письма в Николаеве: один из них – «бежавший из казанского тюремного замка арестант Ялпидин», проживавший под документами Михаила Троицкого, а другой называл себя Кузнецовым. Ялпидин якобы только что приехал из-за границы с изданиями своей типографии; сообщалось, что он жил на постоялом дворе гостиницы «Севастополь».

Николаевский полицмейстер на следующий день арестовал Троицкого. Но в письме ясно было сказано, что эта личность – никакой не Троицкий, а сбежавший «Ялпидин». Михаил Элпидин, обвинённый в 1863 г. в Казани за распространение антиправительственных воззваний среди крестьян (т. н. дело о «Казанском заговоре») и впоследствии сбежавший – реальная историческая личность. Во второй половине 1860-х гг. в Швейцарии он создал русскую типографию, издававшую революционную литературу, и потому о нём хорошо знало III отделение. Но полицмейстер не был осведомлён в эмигрантских делах и потому подумал, что «Ялпидин» – это недавно бежавший из одесской тюрьмы некий Лимпиди, находившийся в розыске (поэтому его фотокарточка была в полицейском управлении). Убедившись, что это не разыскиваемый преступник и что приметы задержанного схожи с имеющимися на его руках документами (следовательно, они не фальшивые),

полиция его отпустила. Впоследствии выяснилось, что Троицкий жил в городе с 4 по 8 ноября; по показаниям хозяина постоялого двора, он был одет бедно и грязно и, как показалось хозяину, в Николаев пришёл пешком (в то время как в Елизаветграде Троицкий одевался прилично, и деньги у него имелись). После своего ареста и освобождения Троицкий два дня не мог уехать из города, поскольку задолжал хозяину 40 копеек.

Кунтушев тем временем успел изменить свои показания. Согласно его новым утверждениям, их товарищ из Одессы Феофан Борисов предложил ограбить знакомую местную помещицу; на случай необходимости убийства был припасён найденный при обыске молот. В Елизаветград Троицкий и Кунтушев поехали, чтобы познакомиться со служившим там молодым сыном помещицы и благодаря знакомству устроить Кунтушева лакеем в поместье. Награбленные деньги они хотели использовать для открытия народных школ в Саратовской губернии.

В ноябре 1869 г. в Одессе был арестован Борисов. 10 декабря он вызвался дать чистосердечное показание, в котором объяснил, что инициатором поездки в Одессу из Саратова был Троицкий. Он хотел будущей весной поехать за границу к эмигранту Элпидину и договориться с ним о распространении в России заграничных, «преимущественно французских сочинений о социализме». Троицкий действовал самостоятельно, без связей с какими-либо обществами, а в Елизаветград поехал, чтобы «в обществе кавалерийских офицеров изучить французский разговорный язык», а также потому, что там дешевле жить.

11 декабря в Керчи был задержан Троицкий. Избегав по чистому везению ареста в Николаеве, он случайно получил травму: во время бури ему на голову упала черепица, и в больнице его опознали. Во время допросов он сознался в переписке с Элпидиным. В Елизаветград Троицкий и Кунтушев переехали, поскольку этот город казался удобным местом для будущего склада запрещённых изданий. Издания то ли должны были переправляться из-за границы, то ли, согласно предложению Элпидина, печататься тут же. Эмигрант также обещал отправить в Елизаветград «особого агента» для связей с контрабандистами, но тот так и не появился. По словам Троицкого, во время обсуждения этих планов Кунтушев высказывал мнение, что в случае ареста нужно оговорить себя в другом, уголовном преступлении, что он в итоге и делал. Воспоминания Борисова, опубликованные в 1929 г., также подтверждают пропагандистскую версию поездки.

Кем же был автор двух анонимных писем? В показаниях участников «Елизаветградского дела» ни разу не было упомянуто имя Сергея Нечаева. А ведь можно с уверенностью утверждать, что они не только были с ним знакомы, но и встречались в Елизаветграде. В конце 1869 г. властям стало известно, что Нечаев после нескольких месяцев эмиграции вернулся в Россию через южную границу и осенью останавливался в Одессе. Следствие показало, что в разговорах он упоминал каких-то своих товарищей в Елизаветграде, а также фамилии Борисова и Троицкого, высказывалось даже предположение, что Нечаев и был тем самым агентом Элпидина, которого ждал Троицкий.

«Маленький Париж»

Город Елизаветград (ныне областной центр Кировоград) был назван так в честь святой Елисаветы. Сначала это была небольшая крепость, сыгравшая важную роль как форпост империи в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. После присоединения Крыма и основания новых южных городов — Одессы, Николаева и других — город на некоторое время утратил свое значение. Однако золотой век уездного города был еще впереди: он пришелся как раз на вторую половину XIX века, когда через город прошла железная дорога до Одессы и появились первые заводы. В 60-е годы европейский облик города навел Николая Добролюбова на поэтическое (а может быть, саркастическое) сравнение с Парижем. Елизаветград известен как колыбель украинского театра и как родной город Арсения Тарковского.

Следствие сопоставило даты: 29 августа Троицкий и Кунтушев приехали в Елизаветград, а Нечаев прибыл в Одессу на пару дней позже. Придя к выводу, что увидеться в Одессе они не могли, власти успокоились и по каким-то причинам не стали интересоваться, мог ли Нечаев последовать за ними в Елизаветград. Однако из воспоминаний Борисова можно узнать, что в Елизаветграде Троицкий и Кунтушев «столкнулись с Нечаевым, с которым решили действовать вместе. Но крайняя неразборчивость Нечаева в средствах оттолкнула от него Борисова и его товарищей. Вскоре, по невыясненным обстоятельствам, вся компания подверглась преследованиям полиции; Борисова и Кунтушева арестовывают, Нечаеву и Троицкому удалось скрыться». Эта цитата позволяет предположить, что встреча с Нечаевым была незапланированной – революционеры «столкнулись» с ним и какое-то время общались.

Учитывая, что двумя предложениями раньше в воспоминаниях сказано, что Троицкий и Кунтушев поехали в Елизаветград «на поиски контрабандистов», то можно утверждать, что не Нечаев был агентом Элпидина, иначе бы Борисов прямо назвал его ожидаемым контрабандистом. К тому же, по различным свидетельствам, Нечаев и Элпидин весьма пренебрежительно относились друг к другу. Нечаев отзывался о последнем, что тот «занимается вздором – изданием книг». Элпидин, о чьём недоверии к неизвестным людям и излишней подозрительности было известно современникам и историкам, мог даже не отправлять никакого агента в Россию. Нечаев же, прослышав о проживавших на юге бывших участниках революционных кружков, искал с ними встречи, чтобы получить помощь в своих делах. Но настроенные на организацию склада запрещённых изданий, Троицкий, Кунтушев и Борисов не могли принять «крайнюю неразборчивость Нечаева в средствах» и заняли открытую антирадикальную позицию. Борисов также

ждает ряд фактов, упомянутых в анонимных письмах: в первом письме указан человек, приехавший к Троицкому и Кунтушеву из Одессы и предлагавший взорвать поезд (Нечаев?). Во втором письме сказано, что в Николаеве находятся Ялпидин (Троицкий) и Кузнецов (Нечаев?).

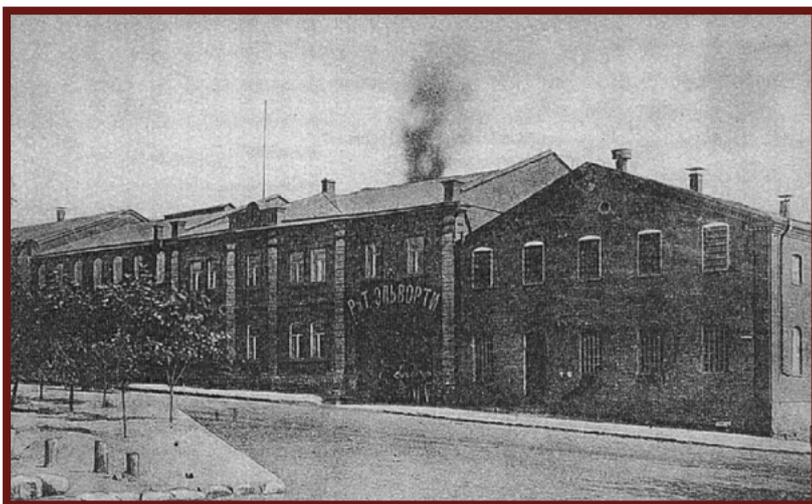
Кто мог написать донос в Елизаветграде, а затем знать о том, что Троицкий и Нечаев, сбежав из города, оказались в Николаеве, чтобы уже на следующий день по их прибытии в город сообщить об этом местному полицмейстеру?

Этим человеком мог быть только сам Нечаев!

Он же и рассказал Троицкому о вероятном аресте, способствуя его побегу. Возможно, он надеялся получить доверие Троицкого или способствовать радикализации его взглядов. Вместе с тем он мог отомстить и за нежелание с ним сотрудничать. По свидетельству участника студенческих волнений 1868–1869 гг., Нечаев, осознав слабость поддержки своих радикальных взглядов среди студентов, «задался намерением, с одной стороны, отомстить несочувствующим людям, а с другой стороны, выставить за неимением революционной оппозиции её призрак, смутить и встревожить общество какой-нибудь шумной, безобразной выходкой. Он толкнул в казематы сотни доверчивых людей. С этой целью Нечаев требовал у студентов список фамилий, который необъяснимым образом оказался в III отделении». Не удивительно, если в Елизаветграде Нечаев столкнулся со схожей ситуацией и поступил схожим образом.

К сожалению, оригиналы анонимных писем, почерк которых можно сравнить с каким-нибудь автографом Нечаева, в архивах III отделения не сохранились. И тем не менее гипотеза о нечаевском следе в «Елизаветградском деле» показывает склонность его фигурантов к мирным формам подпольной деятельности. А утверждение о широком распространении террористических идей в революционном движении конца 1860-х гг., лишившись одного из аргументов, становится несколько менее убедительным. ■

вспоминал, что Троицкий и Нечаев, спасаясь от ареста, сбежали из Елизаветграда, сев на пароход. Однако на пароходе, по словам Борисова, «против обоих беглецов почему-то возникли подозрения». Тогда они ночью отвязали лодку и «скрылись в херсонских камышах». Не этим ли объясняется странное появление Троицкого в Николаеве? Из-за скорого побега с парохода Троицкий мог или забыть, или потерять свои вещи, из-за чего остался без денег, и до Николаева ему пришлось добираться пешком. Воспоминания Борисова подтвер-

Виктор Кириллов
аспирант кафедры истории
России XIX – нач. XX вв.

Основная литература по теме:

- Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.). Кишинев, 1973.
- Виленская Э.С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965.
- Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Пусть к терроризму (60–80-е гг. XIX века). М., 2008.
- Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929.
- Ракитникова И. Памяти Ф.А. Борисова. // Каторга и ссылка. 1929. № 4 (53).

Фотографии Елизаветграда взяты из книги:
«Маленький Париж». Елисаветград в старой открытке. М., 2004.

При подготовке статьи использовались следующие архивные материалы:

1. О заказе в г. Елизаветграде неизвестным лицом государственной печати с гербом и о подмётном письме, извещающем о злодейском покушении против государя императора. // ГА РФ. Ф. 109 (III отделение). Оп. 154 (3 эксп., 1869 г.). Д. 104. Ч. 1.
2. О заказе в Елизаветграде печати с государственным гербом и загадочною надписью и о подмётном письме с извещением о злодейском замысле против особы государя императора. // ГА РФ. Ф. 95 (Следственная комиссия по делам о государственных преступлениях). Оп. 1. Д. 430.

В дореволюционной традиции одинаково применимы написания «Елизаветград» и «Елисаветград», как я узнал из словарей того времени. Предпочтение в пользу буквы «з» мотивировано использованием именно этого написания в монографии Б. П. Козьмина, исследующей описываемые здесь события.

Правовое положение старообрядцев накануне провозглашения веротерпимости и дарование им новых свобод

В истории старообрядчества существовала одна поистине светлая эпоха, которая продлилась с 1905 по 1917 г. – это был золотой век, начало которому положил указ об укреплении начал веротерпимости 17 апреля 1905 г. В этот период многомиллионное старообрядческое население России принимало активное участие в общественной и политической жизни, храмостроительстве, написании и издании книг, возвращении в храмы древних икон и рукописей.

Но какой была жизнь староверов в преддверии расцвета русского старообрядчества? Как оно обрело свою свободу, и какой она была? Давайте проанализируем положение старообрядцев до 1905 г., опираясь на свод законов о раскольниках и сектантах, который вступил в силу с 3 мая 1883 г.

Старообрядцам стали выдавать паспорта на отлучки внутри империи, дали разрешение на занятие промыслами и торговлей с соблюдением действующих положений. Интересно, что им также дозволялось занимать различные общественные должности, но при условии их утверждения правительством и при наличии помощника-новообрядца. С 1874 г. полиция в обязательном порядке вела метрические книги о старообрядцах, в которых указывались сведения об их рождении, браке и смерти (такого типа учет никониан велся местными приходами, а не полицией). Часто староверы скрывали свою истинную духовную принадлежность и признавали себя простыми православными.

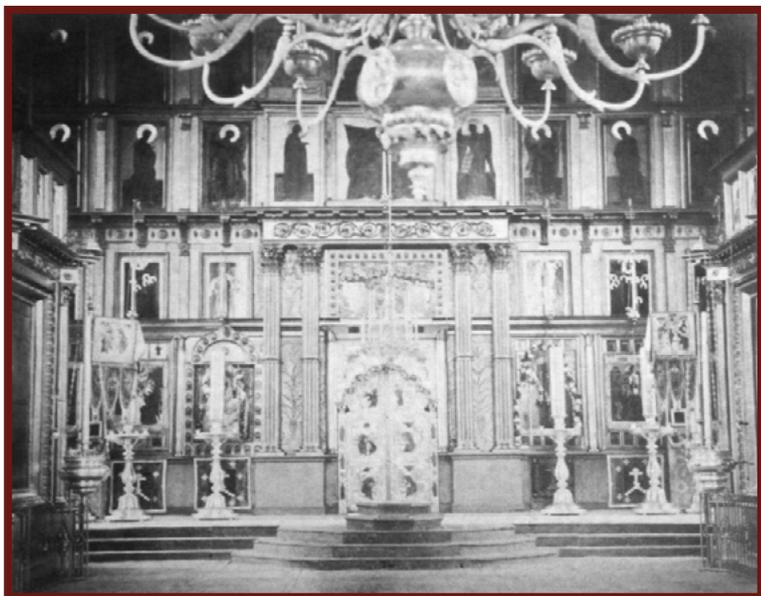
Что касается духовной жизни староверов, то им разрешалось творить общественную молитву и совершать богослужения по старым обрядам (то есть молиться соборно, а не порознь). Однако разрешалось это только в частных домах или моленных, а сами богослужения не должны были привлекать внимания и нарушать общественный порядок. Старообрядческие мо-

ленные внешне не отличались от иных близлежащих построек, а внутри представляли собой маленькую домовую церковь. С 1883 г. стало возможным легальное использование молелен при соблюдении некоторых условий их содержания. Однако известно множество случаев, когда власти несправедливо отбирали у старообрядцев их молитвенные дома. Предоставлялась возможность отремонтировать эти здания, но только в случае обветшания. Если же староверы начинали делать ремонт без специального разрешения губернатора, то они подлежали уголовному преследованию.

Публичная демонстрация своей принадлежности к старой вере запрещалась. Под этим понимались крестные ходы и публичные процессии в церковных облачениях, публичное ношение икон, старообрядческое пение на улицах и площадях. Законом было предписано и отведение специальных мест для старообрядцев на общих кладбищах.

Естественно, что законодательно запрещалось распространение старообрядческих «заблуждений» и соращение никониан в старую веру. Главным контролирующим органом в этом вопросе являлись местные епархии, в которых были уполномоченные клирики, периодически доносили местному архиерею о своих действиях по «охранению православных в истинной вере» и по «вразумлению» тех, кто их соращает. Велась борьба и с инструментом обращения в старообрядческую веру – с книгами: запрещалась их печать и продажа, а также ввоз из-за границы. Уличённых в различных проповедях о старообрядчестве и соращении новообрядцев подвергали наказаниям: лишение некоторых прав, заключение в крепости до четырёх лет. Непосредственные виновники перехода новообрядцев лишались всех прав и ссылались на поселения.

Такое положение староверов на законодательном уровне всё-таки было смягчено государственной политикой в их отношении после смены жёсткого курса Николая I, который смотрел на старообрядчество как на отклонение от нормы. Парадокс: перемена произошла в консервативную эпоху Александра III. Это может быть связано с тем, что царь пытался облегчить жизнь

российских крестьян, поэтому ему пришлось обратить внимание и на тяжёлое положение староверов, которые были знамениты своим трудолюбием в сельском хозяйстве. После этого и его сын не счёл нужным возвращаться к суровому николаевскому времени. Существует точка зрения, что такая перемена связана с появлением в правительстве либеральных настроений по отношению к старообрядцам. Однако по бесчисленным свидетельствам известно, что к староверам относились предвзято, а иногда и выражали откровенную ненависть на протяжении всего раскола, и даже в «золотой век» они сталкивались с несправедливым отношением властей и общества.

В своде законов старообрядцы по-прежнему именовались раскольниками, а также подвергаются различным притеснениям, что связано с деятельностью обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, который старался не допустить выхода закона о признании старообрядчества. Однако последние 20 лет перед принятием указа стали маленькими и последовательными шагами к дарованию старообрядцам свобод. При этом новые законы, с одной стороны, наделяли их новыми правами, а с другой – все так же пытались ограничить. Только в начале XX в. пришло осознание того, что эти законодательные меры постепенно подготовили почву для появления указа о веротерпимости.

В это время старообрядцы решили рассказать Николаю II о своём действительном положении. Они полагают, что его ближайшее окружение, в частности Победоносцев, наговаривает на них. В результате с 1900 по 1904 г. государю было передано несколько прошений с многотысячными подписями. Интересно, что староверы просили лишь действительного соблюдения законов 3 мая 1883 г., а не дарования новых свобод. В итоге многочисленная депутация от пятого Всероссийского Съезда старообрядцев представила председателю Совета Министров С. Ю. Витте доклад о старообрядчестве, который вошёл в основу Высочайшего Указа о веротерпимости 17 апреля 1905 г.

Уже говорилось о том, что это было беспокойное время, когда по всей стране росли и укреплялись революционные настроения. Все это очень сильно расшатывало положение Российской империи. 9 января 1905 г., знаменитое «Кровавое воскресенье», послужило поводом к началу самой революции. Это подорвало репутацию Николая II в глазах общества, тем более, что правительство было неспособно наладить ситуацию за короткий срок, однако авторитет царя продолжал падать. Николай нуждался в поддержке общества, а улучшение положения староверов могло привлечь их на сторону царя. К.Я. Кожурин очень метко, на мой взгляд, выразил образ староверов на начало XX в.: «Это была наиболее трудолюбивая, активная, ис-

кренневерующая и законопослушная часть населения». Трудно оспорить тот факт, что правительство было заинтересовано в приближении такого рода людей к культурной, общественной и политической жизни.

Однако камнем преткновения в этом вопросе было не правовое, а фактическое положение старообрядцев, которых часто относили к людям второго сорта. Кроме того, мощная правительственная группа во главе с Победоносцевым была априори против старообрядчества. Правительство столкнулось ещё с одной немаловажной проблемой: издание указа о веротерпимости по отношению только к старообрядцам означало бы оскорбление представителей других религиозных течений, в том числе и синодальную церковь, что ещё больше могло всколыхнуть общественность России. Но почему же мы пытаемся настоять на том, что Николай сделал ставку на активизацию деятельности старообрядцев?

Указ был издан на Пасху. За день до этого, в Великую Субботу, в присутствии придворных сановников князя Д. Б. Голицына и графа Д. С. Шереметьева были распечатаны алтари храмов на Рогожском кладбище (в 1856 г. алтари были опечатаны по требованиям митрополита Филарета, который доносил о том, что на кладбище служат попы «австрийского поставления»). Также это событие было отмечено в личном дневнике императора (судя по всему, оно имело для него значение, поскольку там император писал в основном о вещах важных и интересовавших его). Таким образом, старообрядцы смогли разделить пасхальную радость, совершив литургию во время главного церковного праздника. Пасхальная служба в 1905 г. была особенно торжественна. В Светлый Вторник Николай записал в дневнике: «Христосовался со старообрядцами». Он лично принял участие в общении со староверами, по-настоящему утешив их после гонений, порадовавшись с ними о воскресшем Христе. Произошло это в рамках старообрядческой депутации в Петербурге, целью которой было поздравить императора с

Пасхой и поблагодарить его за распечатывание алтарей.

Именной высочайший указ удовлетворил многие, но не все важнейшие потребности старообрядцев. С одной стороны, распечатывались старообрядческие храмы, прекращалось преследование за переходы новообрядцев, староверов прекращали называть раскольниками, давалось право совершения общественных богослужений, строить храмы, священнослужители могли свободно отправлять духовные требы, также они освобождались от призыва на военную службу. С другой стороны, староверы продолжали сталкиваться с проблемой взаимоотношения с местной властью. Местные чиновники часто толковали указ «по-своему» и действовали согласно старым порядкам.

Необратимое получение свободы вероисповедания стало возможным благодаря манифесту 17 октября 1905 г. Для старообрядцев он ещё крепче утвездил их права на религиозный выбор, проведение различных съездов и собраний, легализовалось книгопечатание, появилась возможность членства староверов в Государственной думе. В опубликованном письме неизвестного старообрядца говорится о том, что староверы должны максимально пользоваться дарованными свободами и правами в первую очередь в целях борьбы с революцией, а уже после для укрепления своего многострадального положения.

Через год после выхода октябрьского

манифеста появился и указ о порядке образования и действия старообрядческих общин, который давал право создавать общины с правом юридического лица для религиозных, просветительских и благотворительных целей. Община также имела право на приобретение и отчуждение собственности, образование капиталов и т. д., в ней же велись все акты гражданского состояния членов и избирались священники.

Благодаря получению всех этих свобод старообрядчество смогло развернуть свою деятельность в «золотом веке». Она была максимально широкой, активной и качественной. В жизни старообрядчества наблюдалось динамическое развитие во всех сферах, каждая из которых заслуживает отдельного глубокого анализа. Невероятным усердием и трудолюбием, решительностью и осторожностью они смогли создать настоящие шедевры архитектуры, дали возможность для создания философских и исторических трудов, которые и сейчас остаются востребованными и продолжают цениться.

Староверы не допустили падения грамотности и реализовали свой потенциал, создали учебные заведения, готовившие широко образованных специалистов. В жизни страны навсегда остался след развития старообрядчества после окончания «золотого века». Каким бы ни было мучительным для староверов изъятие их древних икон, книг и церковной утвари советской властью, но благодаря этому уже в конце первой трети XX в. историки, искусствоведы и другие специалисты получили доступ к этим сокровищам. Так началось серьезнейшее изучение самого старообрядчества и во многом продолжилось изучение древнерусской культуры.

Однако такой интересный и глубокий по содержанию исторический период имел место во многом благодаря правовому положению старообрядцев и новым полученным свободам. ■

Тема Носов
II курс исторического
факультета МГУ

Основная литература по теме:

Стадников А.В. Московское старообрядчество и государственная конфессиональная политика XIX – начала XX в. М., 2002.

Мельников Ф.Е. Краткая история древнеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 2006.

Ершова О.П. Некоторые проблемы развития старообрядчества после манифеста 1905 г. // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1998.

Кожурин К.Я. Повседневная жизнь старообрядцев. М., 2014.

Основные источники по теме:

Законы о раскольниках и сектантах. М., 1904.

Дневники императора Николая II / под ред. С. М. Луконина. М., 1991.

Мысли старообрядца в смутную годину. СПб., 1905.

«Последний Сусанин» Романовых:

Н. Н. Тиханович-Савицкий в годы кризиса монархии

1915—1916 годы. Российская империя находится в состоянии тяжёлого внутривластного кризиса. Неспособность самодержавия адекватно ответить на вызовы современности, помноженные на кровопролитную войну, привела в итоге к крушению монархии в феврале 1917 г. при почти единодушном одобрении, максимум — равнодушии со стороны русского социума. Но невольно возникает вопрос: кто-нибудь пытался защитить царя, за которого до последнего возносила молитвы вся крестьянская Русь? Взгляд сразу же обращается в сторону монархических, «черносотенных» организаций, которые с момента своего выхода на арену русской истории в 1905 г. активно демонстрировали свою безграничную преданность самодержавию.

Движение ревнителей самодержавия, мощно проявившее себя в годы первой русской революции, переживало не менее острый кризис, чем сама имперская государственность, и Первая мировая война, несмотря на некоторое оживление в риторике и деятельности праворадикальных союзов, не смогла кардинально изменить это положение. Вместо некогда единой и, на первый взгляд, крепкой монархической организации, каковой являлся «Союз русского народа», теперь существовало несколько соперничающих друг с другом объединений, претендовавших на всероссийское значение, среди «Союз Михаила Архангела» и «Всероссийский дубровинский союз русского народа». Их лидеры В.М. Пуришкевич, Н.Е. Марков 2-й и А.И. Дубровин больше занимались плетением интриг друг против друга и соперничеством в деле получения правительственных субсидий, нежели борьбой с либеральным и социалистическим движением. Своего рода апофеозом разложения русского монархического движения стало возникновение в 1915 г. в Москве новой монархической организации — «Отечественного Патриотического союза», во главе с довольно одиозным деятелем «Союза Михаила Архангела» В.Г. Орловым. Это объединение, по сути дела, оказалось мертворожденным, ознаменовав краткий период своего существования лишь чередой кляуз и скандалов.

Не в лучшем состоянии пребывали провинциальные монархические организации, и в лучшие времена черносотенства представлявшие собой довольно аморфные и слабо связанные с центром подразделения «Союза русского народа» и его вышеназванных преемников. На финальной же стадии существования русских монархических союзов они превратились лишь в жалкие обломки былого величия даже в таких исконно настроенных в пользу самодержавия регионах, как Поволжье.

Однако из череды довольно бесцветных руководителей этих организаций явно выделяется глава Астраханской Народной Монархической Партии (АНМП) — Нестор Николаевич Тиханович-Савицкий. Сама организация, надо признаться, ни-

чем не выделялась среди своих «сестёр по несчастью», провинциальных монархических объединений. Так, доклад начальника Астраханского губернского жандармского управления в Департамент полиции от 6 октября 1915 г. сообщает, что «на последнем собрании было всех членов союза 24 человека», а петербургская либеральная газета «Русское слово» в номере от 17 января 1917 г. повествовала об аналогичном действе как о «собрании богомольных старичков и старушек» числом в 40 человек. Однако нетипично активная деятельность руководителя этой организации заслуживает внимания. Стоит остановиться на этой личности и попытаться ощутить трагедию и фарс черносотенного движения на его заключительном этапе.

Для начала мне бы хотелось рассказать о судьбе и личности «вождя» АНМП. Нестор Николаевич родился в Астрахани в 1866 г., в купеческой семье. На протяжении жизни главным его «бизнесом» являлся магазин музыкальных инструментов под названием «Лира». До первой русской революции Тиханович-Савицкий, как и многие патриархально настроенные представители купеческого сословия, в политике не участвовал, однако с началом беспорядков, не обошедших стороной и его родную губернию, владелец магазина посвятил всего себя борьбе с «крамолой». Итогом его деятельности стало создание довольно крупной монархической организации, «партии», сыгравшей не последнюю роль в деле подавления революционного движения в региональном масштабе. Однако с началом «мирных» третьеиюньских времён и успокоением страстей радикальные лозунги Тихановича, призывавшего бороться не толь-

Н.Н. Тиханович-Савицкий

ко с революционерами, но и за соблюдение прав рабочих и крестьян (как прозорливо отмечалось в программе партии, в противном случае «народ ей [АНМП — М.А.] сочувствовать не будет»), «патриот-фанатик» и его соратники стали вызывать равнодушие, а то и раздражение не у только простого люда, но и у своих естественных союзников — губернских властей. И только начало Первой мировой войны и связанный с ней всплеск национализма и шпиономании вдохнули новые силы в опустившего было руки Тихановича-Савицкого. Нестор Николаевич начинает всерьёз бороться со «шпионской угрозой» в Астрахани и в губернии и вовсю вербовать добровольцев. Как сообщает начальник Астраханского ГЖУ в уже упоминавшемся мной докладе, венцом деятельности владельца магазина музыкальных инструментов на поприще «контрразведки» было предоставление сведений для разоблачения «группы немцев, устраивающих в честь императора Вильгельма банкет, на котором все присутствующие были сняты фотографом Бандемюллером». А летом 1915 г., в связи с «начавшимся брожением умов» в Астрахани Тиханович-Савицкий вновь, как и десять лет назад, выходит на тропу войны с революционной угрозой.

Судя по сохранившимся свидетельствам, Нестор Николаевич как личность был весьма неоднозначен. Вот как, к примеру, характеризует Тихановича астраханский губернатор И. Н. Соколовский: «Председателем Астраханской Народной Монархической партии в г. Астрахани состоит г. Тиханович-Савицкий. Человек этот нервнобольной, почти совершенно глухой, крайне экзальтированный, в страстности проявления своего сочувствия монархической партии не знает пределов и, будучи человеком неосторожным и беспокойным, весьма часто вредит интересам партии и подрывает значение и смысл её среди населения». Нельзя не упомянуть, что губернатор Соколовский вообще относился к Тихановичу-Савицкому крайне неприязненно, однако его оценку косвенно подтверждает и начальник ГЖУ, пишущий о Тихановиче как о «яром патриоте-фанатике», который «по получении от своих членов каких-либо сведений, не делая никакой проверки, посылает всюду телеграммы, стоимостью в 25–50 руб.» Именно этому человеку и выпал сизифов труд попытаться поднять провинциальных черносотенцев на борьбу с революцией и либералами.

Прежде всего, Нестор Николаевич пустился в поиски идейного обоснования деятельности не только своей организации, но и всего монархического движения России в целом. Следы этих теоретических штудий обнаруживаются во многих его посланиях царю, государственным деятелям, соратникам по борьбе, а также в выработанных им или при его активнейшем участии программных документах, предназначенных для принятия монархистами во всероссийском масштабе.

Для борьбы с крамолой «вождь» АНМП предлагает целый комплекс мер. Касаясь реформ политического строя, Тиханович-Савицкий полагает, что власть русского самодержца не должна быть ограничена, в противном случае рабочий люд России окажется бесправным перед лицом откровенного произвола капиталистов, коим это положение даст возможность лоббировать любые выгодные им законы при безвластном царе. Но в то же время Тиханович-Савицкий предлагает не уничтожать Государственную думу, а перестроить порядок её избрания и работы на основании принципов Земских соборов XVI–XVII столетий. Что интересно, Тиханович-Савицкий выступает против возвращения к неограниченному самодержавию рубежа веков, поскольку, по его мнению, когда царь ответственен за все, он является не «свободным царём-хозяином, руководителем», а лишь «государем-чиновником, заваливаемым настолько всякой ерундой, что у него голова идёт кругом, чем и пользуются».

В национальном вопросе, бывшем одной из острейших проблем Российской империи рубежа веков Тиханович-Савицкий предлагал придерживаться жёсткой линии: Российское государство есть «достояние народа русского», «едино и нераздельно», еврейский народ не должен обладать какими-либо гражданскими правами, и вообще «нерусские народы» должны составлять по численности не более трети от титульной нации. В случае превышения этого лимита «излишек» предлагалось «выделить в автономные области» или превратить в колонии. По мнению Тихановича-Савицкого, в повестку дня входило и укрепление обороноспособности страны за счёт таких мер, как поголовная мобилизация населения, перевод промышленности страны на военные рельсы, подготовка железнодорожных путей и подвижного состава к использованию для военных нужд «в любое время», увеличение тоннажа флота Тихого океана и укрепление восточносибирских рубежей в целях усиления границы в условиях растущей опасности экспансии со стороны «монгольских государств».

В переписке Нестора Николаевича за 1916 г. оформилась также программа действий по оздоровлению экономики страны. В качестве первоочередных мер Тиханович-Савицкий рассматривал привлечение масс крестьян к борьбе против городского населения, якобы являющегося главной опорой революции; борьбу с дороговизной, происходящей, по его мнению, исключительно по причине «поднятия цен на рабочие руки» путём понижения их городами и земствами; применение системы жёстких наказаний («лишать прав состояний и присуждать в арестантские роты») против предпринимателей, наживающих сверхприбыли в столь критической ситуации, и установление «прибыли сверх себестоимости для предприятий

промышленных, обычных хозяйств, а также для торговцев».

Перечисляя важнейшие способы борьбы с беспорядком в стране, автор не забывает и репрессивные меры: разгон «московской шайки» либеральных деятелей (П. Н. Милюкова, А. И. Шингарева и др.) как наиболее активных и опасных, милитаризация Земского союза, чистка армии от либерального комсостава («гучковцев, Лукомского и других, вызвав, удалить с ответственных постов»), роспуск Государственной думы в случае невозможности достижения компромисса между ней и властью, окружение императорской четы верными воинскими подразделениями, приказание местным властям не допускать «порочить царицу и царя», оказывать материальную и моральную поддержку правым общественным деятелям со стороны правительственных органов.

Таковой была антикризисная программа Тихановича-Савицкого для монархии. Других, равновеликих ей проектов в среде черносотенцев предложено не было. Уже при знакомстве с ней бросается в глаза её утопичность, проявившаяся в таких романтических предложениях, как возрождение Земского собора. Но самый процесс работы Тихановича-Савицкого над решением выдвигает скромную фигуру лидера АНМП в первый ряд «последних палатинов» русской монархии.

Пытаясь претворить программу в жизнь, Нестор Николаевич прежде всего он стремился консолидировать монархическое движение, вернуть ему былую силу.

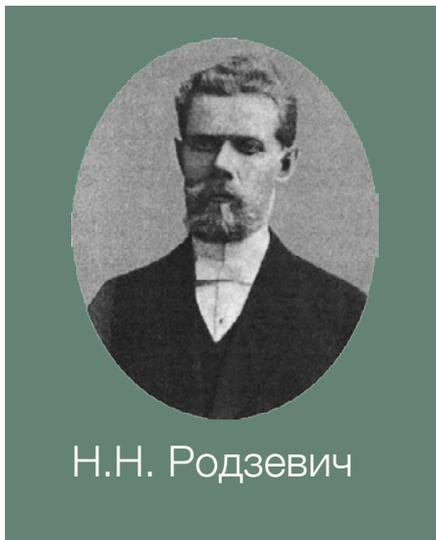
Нестор Николаевич активно включился в работу с Н. Н. Родзевичем, председателем одесского филиала Союза русских людей, и уже с первых дней перехватил инициативу в деле созыва форума провинциальных монархистов. Запланированное собрание состоялось в итоге 27–29 августа 1915 г. в Саратове. Тиханович-Савицкий принял в его работе самое активное участие и был избран особым уполномоченным совещания по распространению программных положений форума. На этом съезде было принято обращение совещания к членам монархических союзов, выработанное непосредственно под руководством Нестора Николаевича. В документе предлагался ряд практических мер: проведение собраний с привлечением широких масс населения; развёртывание широкой разъяснительной работы по разоблачению пропаганды либеральной оппозиции и её истинной сущности, убеждению в виновности евреев в предательстве и шпионаже; действия в стане врага (работа в земствах, засылка своих членов

в левые партии) и много других. Примечательно, что в борьбе с «крамолой» Тиханович планировал подключить широкий фронт консервативных общественных сил, важную роль в котором наряду с самими «союзниками» должны были играть священнослужители и губернские власти. В случае начала новой революции Тиханович предлагать «поднять народ по домам набатом; взять из церквей кресты, иконы, хоругви и идти с царскими портретами и с пением «Спаси, Господи, люди твоя» на соборную площадь, а там будет видно».

Однако то, что так красиво выглядело на бумаге, в жизни встречало сплошные препоны. Прежде всего не заладилось дело с агитацией. Тиханович-Савицкий призывал печатать образцы агитационных листовок монархистов в газете «Волга», принадлежавшей саратовскому отделу Союза имени Михаила Архангела. Однако реакция потенциальных союзников черносотенцев по борьбе с «крамолой» — губернских властей — была далека от ожидавшейся Тихановичем и его «союзниками».

Так, херсонский губернатор принял меры по пресечению распространения документов собрания, «как возбуждающих одну часть населения против другой». Аналогичным образом поступил иркутский генерал-губернатор, преисполнившийся высокой миссией поддержания общественного порядка, поскольку, как он признавался в своём докладе в Департамент полиции, его край был «переполнен ссыльными».

Однако Тиханович-Савицкий не сдавался и продолжал дело объединения правых. 6 октября 1915 г. Нестор Николаевич разослал монархическим союзам извещение, гласящее об открытии форума в Нижнем Новгороде в ноябре. Основная цель предстоящего «совещания» была не нова: «объединение всех монархических сил страны для содействия скорейшей победе над вторгшимся врагом; а для сего в первую очередь — выработка решительных мер для борьбы со смутой, являющейся лучшим союзником немцев». Работа закипела, было разослано 300 приглашений. Однако из приглашенных откликнулось всего 31, а принявших приглашение можно было пересчитать по пальцам. Правда, благодаря помощи власти Тихановичу-Савицкому и его соратникам «ста человек из Петрограда, Москвы, Саратова, из Тавриды, из Бессарабии, Одессы, Баку, из Перми и из других городов». Но и это собрание не смогло выработать нормы, принимаемые безоговорочно всеми монархическими организациями, и объединить расколотое движение монархистов. Противоречия между «союзниками» оказались настолько глубоки, что их бациллы затронули даже твердокамен-

Н.Н. Родзевич

Н.А. Маклаков

ного Тихановича-Савицкого: так, в письмах Родзевичу он выступал категорически против присутствия на съезде таких видных деятелей черносотенного движения, как Пуришкевич и Орлов. Начавшееся столь многообещающе дело в итоге сошло на

нет: попытки Нестора Николаевича организовать в мае и июне 1916 г. новые совещания умерли ещё в зародыше. Стремление ряда правых деятелей созвать Съезд монархистов на рубеже 1916–1917 гг., которое лидер АНМП продвигал всеми силами, также не принесло плодов.

Но Тиханович-Савицкий рук не опускал и пытался наладить контакты уже с «акулами» русского черносотенства — столичными монархистами. В декабре 1916 г., во время своего визита в Петроград, лидер АНМП имел аудиенцию у «столпов» монархизма — Н. Е. Маркова, Г. Г. Замысловского и Н. Ф. Булацеля — и обсуждал с ними планы насущно необходимого объединения правых во всероссийском масштабе. О результатах этого собеседования Тиханович впоследствии известил бывшего министра внутренних дел Н. А. Маклакова, прославленного своим эксцентричным нравом и неприятием думских порядков. Однако никаких конкретных результатов эти консультации не принесли.

В этих условиях Нестор Николаевич активно старался обратить в свою веру правящие круги империи. На протяжении 1915–1916 гг. десятки его телеграмм летели по адресам министров, председателей Государственного совета и, главное, самого императора. Одним из ярких образчиков подобных произведений эпистолярного искусства может послужить телеграмма от 2 декабря 1916 г., где Николаю II сообщается, что «не предпринять решительных мер — войну проиграть», далее повествуется о непочтительном по отношению к царице поведении гласных астраханской городской думы. Затем все это суммируется в контексте страшной угрозы, исходящей от коварного замысла вырвать из рук царя законную власть и, наконец, перетекает в требование наведения порядка для спасения России. Подобные «откровения» до поры до времени отклика не встречали.

Но в конце 1916 г. односторонний «роман в письмах» получил шанс перерасти в нечто большее. 2 декабря, под впечатлением знаменитой речи Милюкова о глупости и измене, лидер АНМП отправил телеграмму императрице Александре

Федоровне, в которой объявлял о полной поддержке её своей «партией», а все наветы аттестовал как подрывную деятельность немецких шпионов. Растроганная участием «простого человека» царица послала Тихановичу ответ, преисполненный чувством искренней и горячей благодарности. Далее события развивались стремительно: в декабре 1916 г. Тиханович-Савицкий посетил Петроград. Делал это он, как следует из его переписки, с подачи уже упоминавшегося нами Н. А. Маклакова, как раз вместе с рядом консервативно настроенных сановников замышлявшего переход к жёсткому курсу на подавление либеральной оппозиции. Выполняя его указания, данные ещё в июне 1916 г., Нестор Николаевич побывал на устроенной для него аудиенции императрицы, где заверил Александру Федоровну в полной поддержке народа и изложил свою программу по борьбе с «крамолой». Не забыл смекалистый волжанин и порадовать за монархистов, о чём бодро рапортовал Маклакову: «...Просил поддержать государя и помогать, чтобы наши представления по возможности представлялись бы во внимание... Просил права доступа к государю и к царице в любое время, по нашему усмотрению, в случаях, которые признаём важными». «Попавший в яблочко» настроений супруги «хозяина земли Русской» Тиханович-Савицкий был удостоен «изъявлений признательности» со стороны царицы и её наперсницы А. А. Вырубовой, а также получил задание переговорить с виднейшими представителями консервативного крыла русских сановников — будущими последними председателями Совета Министров Н. Д. Голицыным и Государственного совета И. Г. Щегловитовым, обер-прокурором Святейшего Синода Н. П. Раевым, будущим министром юстиции Н. А. Добровольским. С ними Тиханович также обсуждал вопросы объединения монархистов «сверху донизу» и встретил со стороны государственных мужей полное понимание. Окрылённый новой удачей, открывающей заманчивые перспективы не только для монархистов, но и лично для деятельного астраханца, он созывает 15 января 1917 г. общее собрание своей «партии», на котором делает торжественный «доклад» о своём вояже в столицу.

Однако все это вновь оказалось замком, возведённым на песке. Эти люди слишком были заняты борьбой за власть, чтобы предложить какие-либо серьёзные меры по борьбе с «крамолой», кроме призывов к применению грубой силы. Как и их провинциальный корреспондент, они не видели, что народ, именем которого клялся последний все время, более не готов сложить голову за царя.

Явно увлечённый своей миссией по объединению монархистов во всероссийском масштабе и по вразумлению императора Нестор Николаевич не имел ни времени, ни средств, для того, чтобы заняться серьёзным делом в родном городе, да и отвратительные отношения с губернатором Соко-

ловским, пережившем «административную чехарду» и оставшимся на посту вплоть до марта 1917 г., этому явно не способствовали.

Между тем время шло. Готовился решительный час испытания самодержавия на прочность, а его паладин и Иван Сусанин, готовый костыли лечь за монархическую идею, мог принести на алтарь борьбы лишь свою активность, не вполне адекватную требованиям момента программу, немощь собственной сугубо региональной «партии», да свои обманутые надежды по объединению верных слуг царя. Неудивительно, что в февральско-мартовские дни сражение Тихановича-Савицкого с

выползшей из подполья «крамолой» свелось к посылке поздравительных телеграмм царю, командующему войсками Петроградского округа С. С. Хабалову и другим сановникам.

Символична и дальнейшая судьба лидера АНМП. В марте 1917 г. он был арестован, три месяца провёл в тюрьме. Лишь в июле, благодаря ходатайствам супруги, он был освобождён и выехал на Кавказ, где его следы окончательно потерялись. Последний «Иван Сусанин» династии Романовых растворился на просторах погибшей империи, как и его детище — черносотенное движение, так и не сумевшее повести русское общество за собой. ■

Основная литература по теме:

Кирьянов Ю.И. Правые партии России. 1911-1917 гг. М., 2001.

Михайлова Е.М. Правомонархическое движение начала XX века в Поволжье. Казань, М., 2007.

Основные источники по теме:

Правые партии. Т.2. М., 1998.

Союз русского народа. М.-Л., 1929.

ГАРФ, ф. 102, ф. 116, ф. 1467.

В советский период лидер АНМП стал «мелькать» как на страницах общих трудов, посвященных эпохе, так и в работах, посвященных черносотенному движению. В постсоветский период лидер АНМП понемногу начал выходить из тени: его роль в попытке объединить черносотенцев годы Первой мировой войны была довольно взвешенно оценена специалистом по праворадикальному движению этого периода С.А.Степановым; довольно точное определение АНМП как детища одного человека дано Ю.И.Кирьяновым; деятельность «вождя» астраханских монархистов вписана в «поволжский» контекст в работах Е.М.Михайловой и В.Н.Кузнецова; в сонме трагедии лидеров монархистов рассмотрена судьба Нестора Николаевича П.Ш.Чхартшвили. обстоятельные статьи о Тихановиче-Савицком стали появляться в энциклопедиях. Однако тему анализа политических взглядов и деятельности лидера АНМП в период Первой мировой войны нельзя считать исчерпанной.

Комитет АНМП во главе с Тихановичем-Савицким

Миша Алмазов, IV курс, кафедра отечественной истории XIX в.

ЯК ВИДЕШ ЗАМІЖ, ТА ПОБА
ЧИШ, ЩО ЧОЛОВІК ЧВАЛАЄ ДО ДО
П'ЯНИЙ — ЗАРАЗ НЕСИ ЇМУ Щ
ЧВЕРТКУ, ТА ПОЦІЛУЙ ЇГО

«Стояние за прилавком было идейным делом»: женское общественное движение в пореформенную эпоху

Название статьи наверняка вызовет в памяти читателя образ девушки-нигилистки с короткой стрижкой. А кто-нибудь обязательно вспомнит Веру Павловну из романа Чернышевского. В «Что делать?» было столько свежих идей: право женщины на брак по любви, на образование, на открытие швейной мастерской на принципах коммунны, в конце концов! Это было руководство к действию для только что возникшего женского движения. Каким оно было в реальности?

Буржуазные преобразования в стране середины XIX в., революционный дух освобождения в демократически настроенной среде породили осознанное женское движение. Круг участниц женского движения ограничивался представительницами дворянского сословия из разнородной среды, что в основном и определяло его цели: экономическая самостоятельность и независимость, равное с мужчинами право на труд и образование, в том числе и высшее, равноправное положение в семье и быту.

Неравноправное положение женщины в дореформенной России XIX в. поддерживалось с юридической стороны: закон устанавливал запрет для замужних женщин, без согласия своих мужей, заключать договор личного найма, получать отдельный вид на жительство, поступать на государственную и общественную службу, или в учебные заведения, а также участвовать в гражданском процессе, защищая свои права. Но и общественное мнение было целиком на стороне патриархального закона.

В большинстве случаев сфера интересов женщины благородного происхождения ограничивалась домашними хлопотами и необходимыми для поддержания общественного положения выходами в свет. Перейти за рамки этого круга — казалось неприемлемым для женщины: профессиональный труд рассматривался как нечто унижающее, работать на равных с мужчиной — значило признать собственную бедность.

Типичным убеждением эпохи было то, что для женщины закрыты все карьеры. Об этом писала Мария Вернадская, первая женщина-экономист в России: «для благородной девушки, которая не замужем, выход один — идти в гувернантки. Однако и в гувернантки попасть не очень то легко, в классные дамы еще труднее, а все прочие занятия недоступны женщинам».

Практически все положения по данному вопро-

су были изложены в Уставе «Общества женского труда», организованного кружком Санкт-Петербургской интеллигенции в 1863 году, однако так и не начавшим свою деятельность:

- Большая часть занятий для женщины закрыта не по неспособности к ним, а по непривычке общества видеть женщину на месте, которое обыкновенно занимают мужчины;
- Отсюда вытекают последствия, весьма вредно отзывающиеся на общественном благоустройстве;
- Значительное число нравственных умственных сил, которые могли бы быть употреблены женщинами на общественное дело, пропадают даром;
- Случается, что женщины, попадающие в подобное затруднительное положение, обращаются к безнравственным средствам для доставления себе возможности существования;
- Трудность для женщины обеспечить себя собственными силами унижает ее в глазах мужчины, при недостаточной образованности последнего. Он смотрит на женщину в семье как на существо, вполне зависимое от его произвола.

Проблема прав и свобод женщины, давно назревшая в стране с крепостным строем, не могла не стать одним из основных вопросов в демократически настроенных кругах после 1861 г. В этот период многие бедные родственницы, ютившиеся в помещичьих усадьбах в качестве домашних учительниц, экономок, приживалок, оказались не у дел. Девушки и женщины, порвавшие с родными, естественно, так же лишались материальной поддержки. Они ехали в Петербург, чтобы учиться, работать, чтобы найти применение своим силам, не жить трутнями, быть полезными обществу, утвердиться в своей независимости. Во всяком случае, в Петербурге количество женщин с 1858 г. по 1870 г. увеличилось почти на 60%!

Активная пропаганда в либеральной периоди-

ческой печати, представление «новых социально-культурных типов женщин» в художественной литературе, многочисленные публицистические статьи, посвященные женскому вопросу, а также личные примеры первых женщин, которые принимались за работу, традиционно считавшейся сугубо мужской — во многом повлияли на самосознание общества начала 60-ых годов XIX в.

Когда в январе 1862 г. в Петербурге за прилавком книжного магазина на Невском проспекте впервые появилась Анна Энгельгардт — молодая, красивая женщина с короткой стрижкой, это произвело значительный резонанс в обществе. «Теперь, — писал современник, — тысячи женщин стоят за прилавком, и для этого ничего не нужно, кроме нужды. Но тогда и стоянье за прилавком было идейным делом, было практической пропагандой нового поведения, демократическим отклонением от сословности и предрассудков, праворождения». Многие женщины стали стремиться к труду, занимая обыкновенно мужские должности, — в редакции в качестве секретарей, переводчицы, стенографистки, продавщицы, кассира.

В 60-ые г. XIX в. в Санкт-Петербурге сложился кружок из самых передовых и активных женщин, в центре которых находился «триумвират», состоящий из: Марии Васильевны Трубниковой, Надежде

Васильевны Стасовой и Анны Павловны Филосовой. Эти высокообразованные женщины стояли у истоков женского движения, сплотив вокруг себя таких же энергичных и социально-активных женщин. Своим примером они показали, что в основе труда должна стоять идея «полезности» обществу и служения общественным интересам.

Вместе они организовали «Общество дешевых квартир» в 1861 г. для помощи бедным женщинам, широкий пласт которых образовался в столице после крестьянской реформы. Изначально Общество снимало отдельно несколько квартир в разных частях города, однако вскоре удалось купить целый дом в Измайловском полку на очень выгодных условиях. В нем устроили одно большое общежитие, а также общественную кухню, прачечную и детский сад. Предполагалось, что неимущим женщинам и их семьям будут сдавать комнаты по возможно низким ценам, но чаще всего они не были в состоянии выплачивать и эти суммы. Тогда было решено открыть швейную ремесленную мастерскую, чтобы женщины самостоятельно могли зарабатывать деньги на оплату жилья. Вскоре при Обществе была открыта школа для детей жилищ, в которой поначалу преподавали сами основательницы, а затем были наняты учительницы.

В начале 60-ых гг. этим же передовым кружком была открыта также первая «Издательская женская артель», по приему множества других женских артелей, создававшихся в то время. При создании издательской артели ее члены преследовали цели: обеспечение интеллектуальным трудом женщин, знающих иностранные языки, а также доставление обществу достойной переведенной литературы. Переводы предоставлялись на конкурсной основе, переводили сперва детские книги, а затем и просто иностранную литературу, полезную для развития и образования общества. Продавались книги в «идейные» книжные магазины, получившие широкое распространение в 60-70-ые гг. Десять лет активной деятельности артели стали заметной вехой не только в женском движении, но и в общедемократической освободительной борьбе в целом.

Отличительной характеристикой организации женского труда в 60-80-ых гг. XIX в. являлось стремление женщин к объединению и совместно-

му труду, поэтому появлялись повсеместно различные коммун, артели, совместные швейные мастерские по образцу той, что представлена в одном из самых популярных романов эпохи — «Что делать?».

Впрочем, вскоре стало ясно, что для полноценного труда, в первую очередь, необходимы были качественные профессиональные знания. Система образования, сложившаяся в России к XIX в., не предусматривала допуск женщин к высшему университетскому образованию. Женщины ограничивались домашним образованием, гимназиями и институтами, где все «всё, точно нарочно, было приурочено к тому, чтобы воспитать не человека, не мать, не хозяйку, а манекен». Однако в 60-ые годы вопрос о женском образовании получил значительную огласку, показав горячее стремление многих женщин к университетским знаниям.

Появление первых девушек в университетах страны произвело общественный резонанс, обнаружив принципиально разные взгляды интел-

лигенции по поводу допуска женщин в высшие учебные заведения. Знаменитый народник П.Н. Ткачев отмечал, что первые «студентки» стали своего рода знаменитостями, о них было много разговоров в обществе — как о «передовых девушках» в одних кругах или как о предтечах грядущего разврата, гибели нравственных устоев, семейных очагов

и брачных уз — в других. Вскоре правительство выпустило указ, запрещающий им посещать университеты. Следствием этого стала тенденция массового отъезда женщин за границу, где они могли получить высшее образование в университетах Швейцарии, Франции, Германии.

Но женщины столицы продолжали упорную борьбу за высшее образование для себя и на Родине. Во многом благодаря стараниям Е. Конради, А.П. Философовой, М.В. Трубниковой, Н.В. Стасовой и других «шестидесятниц» в 1878 г. в Санкт-Петербурге были открыты Высшие Женские Курсы, получившие название Бестужевских по фамилии учредителя и первого директора, профессора К.Н. Бестужева-Рюмина.

Список профессоров, среди которых были такие выдающиеся ученые, как Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов, Д. Н. Овсянко-Куликовский, О. Ф. Миллер и другие, а также воспоминания слушательниц и преподавателей дают основания считать, что уровень преподавания на курсах приближался к университетскому. Впрочем, созданные курсы имели ряд слабых сторон. В учебных помещениях зачастую были ужасающие условия, что являлось следствием низкого финансового обеспечения. К 1879 году был ограничен прием на курсы, кото-

«Несколько лет назад женщин, стремившихся к знанию, было мало — единицы. Теперь нас сотни... Боритесь же за счастье быть самостоятельными, за право жить, работать и творить ради высшего идеала.»

Софья Ковалевская

Софья Ковалевская стала первой преподающей женщиной-профессором математики, но любить ее стоит не только за это. В 1884 вышла ее повесть «Нигилистка» о девушке, которая следует за осужденным революционером на каторгу. А в своих мемуарах она с нежностью и юмором вспоминает свою девическую влюбленность в Достоевского, который ухаживал за ее старшей сестрой Анной — настоящей нигилисткой, участвовавшей в деятельности Парижской коммуны 1871 г.

рые, ко всему прочему, не давали первым выпускницам прав на преподавание.

Таким образом, к 80-м гг. XIX в. формируется новый тип российской женщины, которую отличали стремление к полезной деятельности и профессиональному труду, скромность, преданность избранному делу, жажда знаний, инициативность и самостоятельность в принятии решений.

За 60-80-е гг. 19 в. проблема женского труда приняла другие очертания. И хотя экономические условия для труда представительниц слабого пола оставались на прежнем уровне, самим обществом были предприняты попытки к их улучшению. Значительным достижением в разрешении женского вопроса явилась переоценка ценностей общества в отношении труда женщины, а также стремление улучшить его условия. После отмены крепостного права многие женщины перестали смотреть на труд — как на унижительное занятие, напротив, они стремились к независимому заработку, находя в этом не только единственный способ обрести личную свободу, но и пользу своему народу и своей стране. ■

Лена Воскресенская,
студентка IV курса Института
Истории СПбГУ

Основные источники по теме:

Буланова-Трубникова О.К. Три поколения. М., Л., 1928.

Вернадская М.Н., Сочинения. М., 2007.

Дауль А. Женский труд в применении к различным отраслям промышленной деятельности. Очерки 600 ремесел и занятий. С прил. ст. П.Н. Ткачева «Женский вопрос». Ч. 1. 1869.

Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести. М., 1986.

Писарева Е.Ф. Памяти А.П. Философовой. СПб. 1912.

Стасов В.В. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. 1899.

Основная литература по теме:

Вахромеева О.Б. Новая женщина в старой России: очерки по истории женского образования, конец XVIII-начало XX века. СПб., 2011.

Ворошилова С.В. Правовое положение женщин в России в XIX — начале XX вв. Саратов, 2011.

Стайтс, Ричард. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860-1930. М., 2004.

Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50-60-е г. XIX в. Л., 1984.

Дневник государственного секретаря Е. А. Перетца (1880–1883 гг.)

Одной из особенностей источниковой базы истории России XIX века является обилие источников личного происхождения. Среди них такие известные источники, к примеру, как дневники и воспоминания Д. А. Милютина и П. А. Валуева, А. А. Половцова и С. Ю. Витте. На их фоне дневник государственного секретаря Егора Абрамовича Перетца известен гораздо меньше, возможно, потому, что охватывает относительно небольшой период – со второй половины 1880 г. до начала 1883 г.

Егор Абрамович Перетц был государственным секретарём Российской империи в течение пяти лет – с 1878 по 1883 год. По своей должности он находился в центре событий в столице и как начальник государственной канцелярии он был в курсе всего делопроизводства Государственного совета.

Дневник Перетца – уникальный источник для анализа конца правления Александра II и первых лет правления Александра III; он просто незаменим при исследовании этого периода, который в советской историографии получил название «второй революционной ситуации» конца 70-х – начала 80-х гг. XIX века. В чём же его особенность?

Перетц, возможно, в силу занимаемой должности и необходимости запоминать большие объёмы информации, проходящей через Государственный совет, практически дословно передаёт свои диалоги (кстати, довольно длительные) с председателями Государственного совета великими князьями Константином Николаевичем и Владимиром Александровичем, императорами Александром II и Александром III, а также со своими друзьями и коллегами. В этом плане ещё более примечательно едва ли не самое известное место из дневника Перетца – описание знаменитого заседания Совета министров 8 марта 1881 года. На заседании, собранном через неделю после трагической гибели императора Александра II 1 марта 1881 г., на повестке дня стоял вопрос о судьбе проекта министра внутренних дел, бывшего председателя Верховной распорядительной комиссии М.Т. Лорис-Меликова об изменениях в принципах управления. Поражает точность в описании заседания: оно занимает 15 страниц; на которых подробно записаны речи выступавших; приведе-

на даже схема, показывающая, в какой очерёдности рассаживались за столом участники совещания. В предисловии к дневнику исследователь А. Е. Пресняков назвал этот отрывок «наиболее отчётливой записью о ходе прений, какую имеем». Ключевое значение заседания 8 марта 1881 г. в процессе изменения правительственного курса в начале правления Александра III неоднократно отмечалось как в советской, так и в современной историографии; неудивительно поэтому, что именно эта запись не раз публиковалась отдельного от всего текста дневника Перетца.

Е.А. Перетца по праву можно считать принадлежащим к той «либеральной правительственной группировке», которая с 60-х гг. XIX века сложилась вокруг великого князя Константина Николаевича. «Министерский кризис» весны 1881 г., когда свои посты покинули и великий князь Константин Николаевич (глава морского ведомства и председатель Государственного совета), и министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов, и военный министр Д. А. Милютин, и министр финансов А. А. Абаза, сказался и на характере записей в дневнике государственного секретаря. Если до этого они были посвящены почти исключительно «официальной» правительственной политике, то после «манифеста о незыблемости самодержавия» 29 апреля 1881 г. наряду с описанием заседаний Государственного совета и личных отношений «в верхах» читатель получает уникальную возможность проследить судьбу этих отставных деятелей прошлого царствования, не утративших своей политической активности. Теперь, помимо описания придворной жизни Петербурга, в дневнике появляются сведения и о жизни отставных сановников – друзей Егора Абрамовича Перетца. Особенно интересовала автора дневника судьба его бывшего начальника – великого князя Константина Николаевича: в текст дневника включены даже документы, связанные с подготовкой отставки великого князя.

Наконец, одна из примечательных черт дневника Перетца, придающих ему особую ценность – это практически полное отсутствие проявления эгоцентризма автора. На основе сведений, полученных Егором Абрамовичем при общении с друзьями и коллегами, он создаёт довольно пол-

СПЕЦПРОЕКТ

Телесные наказания на Сахалине: Contra et Contra

Скажем вам честно — это должна была быть очередная статья про народников. Но потом у автора и редактора всплыла тема потемнее и поинтереснее. Ведь кто же, как не каторжники, являются маргиналами дореволюционной России? Этой последней стадии отчужденности мы посвящаем последнюю часть проекта.

Маша Панькина (IV курс, кафедра истории России XIX века) сделала для нас подборку цитат современников, видевших своими глазами ужасы пенитенциарной системы в Российской империи.

Источники:

Жбанков Д.Н., Яковенко В.И. Телесные наказания в России в настоящее время. М., 1899.

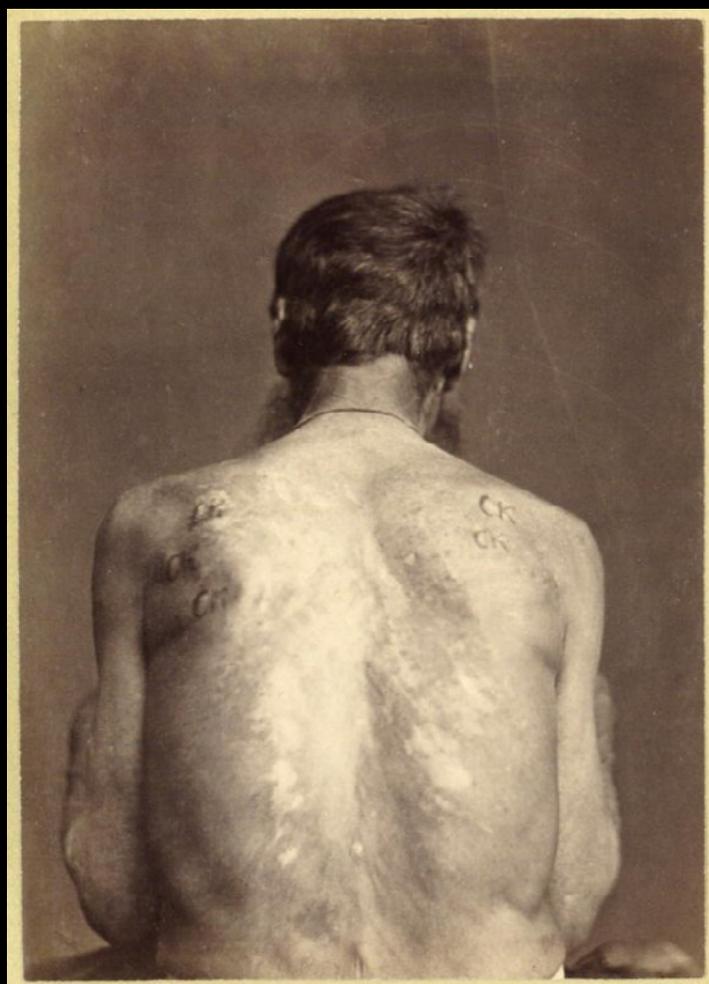
Дорошевич В.М. Сахалин. Каторга. М., 2001.

Лобас Н.С. Каторга и поселение на острове Сахалин. Павлоград, 1903.

Чехов А.П. Остров Сахалин. М., 1995.

Кокосов В.Я. Рассказы о Карийской каторге (Из воспоминаний врача). СПб., 1907.

Ювачев И.П. Восемь лет на Сахалине. СПб., 1901.

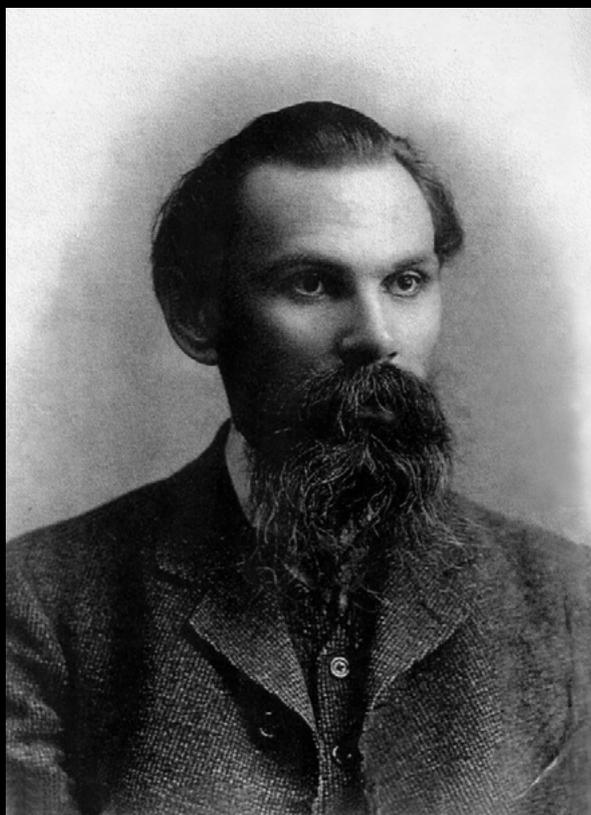
В середине XIX века начала набирать силу дискуссия о правильности или неправильности применения телесных наказаний. Началась она в связи со смягчением законодательства в отношении телесных наказаний. Так, по Уложению 1845 г. смертная казнь, назначавшаяся по Уложению 1649 г. в 60 случаях, осталась только в 3-4 случаях (за важнейшие политические преступления). Кнут, одно из самых жесточайших орудий наказания, приводивший обыкновенно к смерти и назначавшийся в 140 случаях преступлений, заменен трехвостной плетью. Впрочем, по свидетельству врача В.Я. Кокосова, и такая плеть оставалась образцовым орудием пытки и убийства, так как могла переломить позвоночный столб самого здорового быка, а не только человека. Поэтому сторонников упразднения телесных наказаний меньше не становилось, и один из них, князь Н.А. Орлов, приводил следующие доводы:

«Телесные наказания суть зло в христианском, нравственном и общественном отношении. ...Нет христианского равенства, нет христианского братства там, где рядом в одном храме могут стоять два человека, совершившие один и тот же проступок, но наказанные один легким арестом, а другой – розгами. ...У нас бьют всякого, кто дает себя бить. Это поддерживает грубость нравов и сильно мешает развитию человеческой личности» .

Митрополит Филарет же высказывался в пользу сохранения телесных наказаний. Мотивы защитников телесных наказаний таковы: 1. Всякое изменение системы наказаний совершенно несвоевременно, всякое заявление по этому предмету намерений опасно и вредно, потому что возбужденные тем толки могут еще более ослабить страх наказания и поколебать власть; 2. Замена телесных наказаний тюремным заключением потребует увеличение числа тюрем, для всех не хватит мест, и государству придется содержать лиц, которые и без того уже нанесли ему вред своими преступлениями; 3. «по Христианскому суждению, телесное наказание само по себе не бесчестно, а бесчестно только преступление»; 4. Телесное наказание, как самое физически чувствительное, наиболее понятно простолюдину.

В.М. Дорошевич

И.П. Ювачев

Рассмотрим, как отразили проблему телесных наказаний побывавшие на Сахалине. В.М. Дорошевич, известный публицист рубежа XIX-XX вв., писал об этом:

«Идем мы как-то с Биричем по главной улице, – как вдруг из-за угла, неожиданно, лицом к лицу встретился с нами начальник округа. Бирич моментально отскочил в сторону, словно электрическим током егохватило, – и не снял, а сдернул с головы фуражку. Эта манера снимать шапку вырабатывается годами каторги, поселенчества и никогда уж больше не исчезает. По одной манере снимать шапку перед начальством можно отличить ссыльнокаторжного в тысячной толпе. Вся прошлая история каторги в этом поклоне, – то прошлое, когда зазевавшемуся или не успевшему снять шапку каторжнику говорили: «А пойти-ка, брат, в тюрьму! Там тебе тридцать дадут!»

А вот заметки А.П. Чехова, посетившего Соколиный остров в 1890 г.:

«Розги, плети, прикование к тележке, – наказания, позорящие личность преступника, причиняющие его телу боль и мучения, – применяются здесь широко. Наказание плетями или розгами полагается за всякое преступление, будь то уголовное или маловажное; применяется ли оно, как дополнительное, в соединении с другими наказаниями или самостоятельно, оно всё равно составляет необходимое содержание всякого приговора. Телесное наказание налагается на ссыльных по приговору суда и постановлениям полицейских управлений, или административно: начальниками тюрем, смотрителями поселений и начальниками округов. Но, кто бы ни налагал наказания, исполнителем является палач, человек из среды преступников. Таким образом, судьба арестанта в руках палача.»

А быть палачом – искусство, призвание, если угодно. Начальство любит палачей, особенно тех, кто особенно ревностно исполняет свою работу, тех, кто не «мажет»:

«В моем присутствии, за обещанный рубль, палач Сашка, с дозволения смотрителя Средне-Карийской тюрьмы, чтобы показать свое искусство, с одного удара плетью разбил казенную массивную деревянную табуретку вдребезги... теперь представьте сто таких ударов по живому, чувствующему телу» .

Когда пригоняется новая партия, между арестантами всегда идет сбор «на палача», для тех, кто пришел на Сахалин с наказанием плетью или розгами, по приговору суда. Ни один арестант не откажет никогда в копейке, последнюю отдает при сборе «на палача». Это обычный доход палачей . У хорошего палача ни за что не разберешь, действительно он порет страшно или вид только делает. Удар наносит, кажется, страшный... А ложится плетью мягко и без боли. Заплатят палачу, он может и 50 плетей положить так, что наказуемый и сознания-то не потеряет, а может так – что он уж и не встанет никогда.

Н.С. Лобас в своей книге о каторге рассказывает историю: беглый каторжник Губарь, который был приговорен к плетям за людоедство, после 48 плетей был унесен в лазарет и через три дня, не приходя в себя, умер. И палач сделал это, получив взятку от каторги, которая ненавидела Губаря. Любопытен портрет такого мастера дает тот же Влас Дорошевич в своих легендарных очерках «Сахалин. Каторга»:

Комлев - костромской мещанин, из духовного звания, учился в училище при семинарии и очень любит тексты, преимущественно из Ветхого завета. Он был осужден за денной грабеж с револьвером на двадцать лет. <...> В те жестокие времена палачам работы было много, и палачу, тоже сахалинской знаменитости, Терскому, потребовался помощник. В тюрьме бросили жребий: кому идти в палачи. И жребий выпал Комлеву. Но Комлев все еще мечтал о воле, и в 1889 году опять бежал, – его поймали на Сахалине же, прибавили еще 15 лет каторги и приговорили к 45 плетям. Плетей давал «ученику» Терский. В 1897 году Комлев говорил мне: «До сих пор гнию». И разделся. Тело – словно прижжено каленым железом. Страшно было смотреть. Местами зарубцевалось в белые рубцы, а местами, вместо кожи, тонкая красная пленочка – пожмешь – и течет какая-то сукровица.

Так глумился палач над палачом.

Скоро, однако, Терского поймали в том, что он, взяв взятку с арестанта, наказал его легко. Терскому назначили 200 розог и наказать его дали Комлеву. «Ты меня учил, как плетями, а я тебе покажу, что розгами можно сделать». Терский до сих пор гниет. То, что он сделал с Комлевым, шутка в сравнении с тем, что Комлев сделал с ним. Как говорится, посади в одну банку двух пауков – они загрызут друг друга до смерти.

<...> Комлев смакует свое могущество. Он даже особый костюм себе выдумал: красную рубаху, черный фартук, сшил какую-то высокую черную шапку. И крикнул: «Поддержись!» Медлит и выжидает, словно любясь, как судорожно подергиваются от ожидания мускулы у жертвы. <...> «А они меня мало бьют? Всю жизнь из меня выбили!» – говорит Комлев, когда его спрашивают, почему он так «лютеет», подходя к разложенному на кобыле человеку.

И этот человек, кажущийся нам просто монстром, перекрещивался и говорил: «Дай-то Бог! ...Скорей бы это кончилось!», когда ему говорили, что телесные наказания собираются отменять.

Попробуем теперь с помощью Дорошевича представить себе картину порки арестанта, не выполнившего накануне урок: такие экзекуции обычно проводились по утрам, после поверки. Выйдя ранним морозным утром на крыльцо, можно было слышать вопли и стоны, несшиеся с тюремного двора . Посреди двора ставили «кобылу» (это большая широкая скамейка с толстыми ножками), – и тут уже, в присутствии всей каторги, палач наказывал провинившегося.

Вот как описывает свои ощущения отец Даниила Хармса, народник И.П. Ювачев (Г.Миролюбов), которые он испытал, впервые услышав звуки розог:

«...теперь внимательно прислушавшись, я понял, что эти отдаленные крики испускает человек при каждом ударе розог. Невыносимое чувство охватило меня. Мне хотелось бежать, но куда убежишь? Я заметался, как в кошмаре: как будто что-то тяжелое давит меня, я стараюсь освободиться и не могу... тут только представился воочию весь ужас каторги. «Боже мой, куда мы попали!» – молился я».

Новое Уложение о наказаниях 1866 г. список телесных наказаний по суду ограничивался только плетью, розгами и наложением оков, устранены те статьи, по которым при явной невозможности заключить в тюрьму, арестный дом и рабочий дом или под арест, разрешались розги от 3 до 100 ударов. Таким образом de jure с 1886 г. в судебном порядке (кроме волостных судов) нельзя присуждать к наказанию розгами. С тех пор телесные наказания оставались на практике только в следующих случаях: в дисциплинарных батальонах для штрафованных по суду солдат, для сосланных в Сибирь в каторжные работы и на поселение – розги. Для каторжных, совершивших побег или новое преступление, – плети и прикование к тележке (от 1 до 3 лет).

Вот как прикование к тележке описал Дорошевич:

«...мы заходим в тот номер, где живут двое «тачечников»... Несмазанная тележка визжит, цепи громыахают, прикованный тачечник подвозит к нам свою тачку. Тачка, – весом с пуда два (приблизительно 32 кг!), – прикована длинной цепью к ножным кандалам. Раньше она приковывалась к ручным, но теперь ручные кандалы надеваются на тачечников редко, в наказание за особые провинности. Куда бы ни шел арестант, – он всюду везет за собой тачку. С нею и спит, на особой койке, в уголке, ставя ее под кровать.

Неизбежно возникает вопрос: насколько телесные наказания справлялись со своей главной задачей – пресечь возможность рецидива, а также, в идеале, заставить раскаяться? И. П. Ювачев писал об этом:

«Меня не один раз обступали с расспросами: «Целесообразны ли в каторге телесные наказания?». Когда ссыльный видит, что его человеческое «я» не уважается другими, и он не имеет никакой возможности заставить уважать его личность, он махает рукой на весь выработанный раньше им нравственный кодекс и еще больше опускается, оскотинивается.».

«Если только мы имеем в виду исправлять сосланных людей, непременно нужно уничтожить всю обстановку, которая унижает достоинство человека. Я допускаю, что среди каторжных найдется 10% страшных извергов-убийц, почти неисправимых людей, но зачем же из-за них подвергать остальные 90% жестоким мерам, убивающим в них все человеческое? »

С любопытной точки зрения на вред телесных наказаний взглянул Лобас Н.С.: о вредном влиянии телесных наказаний на самих исполнителей их и на присутствующих.

«Телесные наказания... деградируют людей, обличенных правом давать их, до степени зверей, упивающихся своей властью в этом отношении. Некоторые и них, по-видимому, получают своеобразное наслаждение, применяя телесные наказания».

Устрашением и истязанием преступника никак не исправить его нравственность, они только ожесточают человека. Но в истории Российской империи телесные наказания в отношении преступников так и не были полностью отменены. ■

Интервью

Весна для студента-историка — не только пора пробуждения природы, буйства красок и чувств, но и пора защиты докладов. Для первокурсников это всегда страшное и интересное испытание! Сложно сразу разобраться, что нужно делать и на какую часть работы обратить особое внимание. Наш корреспондент Галя Плотникова задала эти вопросы экспертам с кафедры древнего мира: к.и.н., преп. Дурново Максиму Владимировичу и к.и.н., доц. Трухиной Наталии Николаевне.

Зачем вообще пишутся доклады?

М.В. Для студента главная цель доклада — насколько возможно полно раскрыть тему, данную преподавателем, исследуя источники. Для преподавателя — обучить студента азам научной работы.

Н.Н. Цель доклада чисто учебная для того, чтобы работу проделал сам студент. Поэтому и тема работы должна быть такая, чтобы студент мог её раскрыть на одном, двух источниках. Хоть на каком-то курсе вкусить, что такое исторический анализ, должен каждый человек, желающий стать историком. Профессионал от непрофессионала отличается этим умением.

Ваш доклад — самый главный результат на первом курсе. Будем честны: то, что вы сдаёте на экзамене забывается, конкретика уходит, остаётся только общая картина. Важна специализация навыков в русле исследовательской работы.

Как известно, чтобы удачно справиться с любой работой, нужно разделить её на более мелкие части. С какого времени студент должен начать заниматься докладом?

М.В.: Конечно, чем раньше, тем лучше. Недостижимый идеал — закончить работу тогда, когда еще остается время взглянуть на нее со стороны. Чтобы она успела слегка остыть. Но обычно мне сдают горячие, иногда даже в прямом смысле слова — только что из принтера.

Н.Н.: Идеально начать работу в первом семестре. Идеальный доклад требует месяца-полтора.

Какое оформление предпочтительно для доклада?

М.В. По оформлению библиографического аппарата работы — моя любимая брошюра Соколовой, написанная библиографом специально для студентов. ГОСТ мы должны читать.

Н.Н.: Существует пособие Н.В. Бугаевой, которое можно использовать.

С чего Вы советуете своим студентам начинать своё первое исследование: с прочтения литературы по теме или с работы с источником?

М.В.: Это зависит от темы. На историографию сначала хорошо бы взглянуть с высоты птичьего полета, наметить для себя поле, оставшееся от нее относительно чистым, чтобы вышло самостоятельное исследование, и погружаться в источники.

Н.Н.: Зависит от темы. Общее пожелание — войти в эпоху с помощью работ общего характера. Если студент пишет работу по каким-то античным институтам, то стоит сначала обратиться к учебнику, если по раннему христианству, то первым делом стоит познакомиться со своим источником.

Какие ошибки делают студенты?

М.В. Самая страшная ошибка — это отсутствие в работе исследовательского творчества. Самая распространенная — точки после заголовков, набранных в красную строку. Как их избежать, даже и не знаю.

Н.Н.: Самая главная ошибка, которую может сделать студент — превратить доклад в реферат. В этом случае ведётся не анализ источника, а отбираются лежащие на поверхности данные. Научная литература превращается в источник, что не профессионально. Узнать такую работу легко, признак такой работы — компилятивность, опора на литературу, текст как бы украшен вставками из источника, получается не то привлечение, которое требуется. При настоящем анализе мы приходим к неким выводам, которые автор не сформулировал. Вывод: основная работа идёт внутри источника. К другим распространённым ошибкам также относится пересказ и работа крупными цитатами. ■

Как написать основную часть?

После встречи, посвященной написанию докладов, мы попросили Машу Кириллову, нашу гостью и аспирантку кафедры Древнего Мира, записать ценные советы из своей презентации наших читателей. Маша ведет семинары у первокурсников и о критике студенческих работ знает не понаслышке. Учись, студент!

На первом курсе перед студентами стоит непростая задача — написать свою первую исследовательскую работу. Как правило, ни у кого не возникает проблем с пересказом источников и «подгонкой» соответствующей историографии. Однако такой доклад — не исследование.

Что же такое исследование?

Исследование должно иметь цель, а также задачи, которые позволят эту цель достигнуть. Цели и задачи ты пропишешь во введении к своему докладу. Правильно поставленная цель исследования уже сама по себе показывает нам, будет ли это исследование ново и оригинально. Задача исследования должно быть несколько. Они позволяют нам достигнуть поставленную цель. Как правило, задачи — это ответы на вопросы, которые раскрывают цель исследования. На задавании вопросов остановимся поподробнее.

Историк всегда задает вопросы. Кому? Конечно же источникам. Очень часто они берут в плен студентов младших курсов, подавленных громкими именами – Геродот, Тит Ливий, Плутарх... Студенты полностью им доверяют. Между тем, они должны задавать им вопросы. Почему источник нам сообщает эту информацию? С чем это связано? Или, еще лучше — чего источник нам не сообщает, о чем умалчивает, почему?

Чтобы не попасть в плен источника, нужен осмысленный план основной части (который я очень рекомендую заранее показать семинаристу). По моим наблюдениям, есть два основных подхода к основной части.

Первый — «последовательный»:

Тема: «Такая-то реформа и ее значение»

Предполагаемая структура:

1. Предпосылки такой-то реформы
2. Подготовка такой-то реформы
3. Проект такой-то реформы
4. Проведение такой-то реформы
5. Результаты такой-то реформы

Есть еще один путь – в теме исследования у нас

может быть заявлен какой-то предмет, который мы в своем исследовании раскладываем на составные части. Это «предметный» подход:

Тема: «Вот это общество по вот этому источнику»

- Структура: 1. Социальный слой жучков
2. Социальный слой паучков
3. ...

Например, у нас в теме заявлено общество в какой-то период времени или на основании какого-то источника. Общество состоит из социальных групп, значит, мы можем расписать каждую социальную группу (и сделать из этих мини-исследований отдельные главы). Более того: мы можем анализировать эти социальные группы по одинаковым критериям, получая в итоге подпункты глав:

- Глава 1. Социальный слой жучков.
§1. Нравственные качества жучков.
§2. Образ жизни жучков.
§3. Политическая позиция жучков.
Глава 2. Социальный слой паучков.
§1. Нравственные качества паучков.
§2. Образ жизни паучков.
§3. Политическая позиция паучков.

В конце работы – вывод, который мы сделаем, опираясь на мини-выводы, полученные в главах. Таким образом, доклад будет уже не просто рефератом, но приобретет черты самостоятельного исследования. ■

P.S. Если что-то все еще неясно — не стесняйся спросить у руководителя семинара! Преподаватель обязательно поможет тебе разобраться.

Что самое важное в докладе?

«придать исследованию флер новизны и убедить всех, что ты смотришь на проблему под другим углом»

«мыслить логически, не противоречить самому себе и не стесняться попросить помощи у преподавателя»

«выпить. а то так стесняешься за всю эту бурду :)»

«попытаться хоть что-то внести от себя, хоть какую-то крупицу мысли собственной, а не тупо переписать историографию»

«разобраться в том, что писали до тебя + толковый семинарист»

«это самостоятельность твоей работы с источником (его анализа и интерпретации + умение эту самостоятельность показать слушателям доклада»

«не доверять слишком историографии»

«преодолеть лень»

«правильно оформить сноски»

«мозги, без них - никак, остальное приложится»

«поставить проблему»

«главное — собрать и обработать материалы заранее, а написать и за неделю можно»

После разговоров с экспертами редакция решила узнать мнение студентов о том, что в докладе важнее всего. «Редакция» — это Ксения Веринчук. «Решила узнать» — глубокой ночью наспамила знакомым истфаковцам ВКонтакте. И вот что вышло!

Всего Ксюша получила **44 ответа** от студентов 1-5 курсов.

Самые крупные категории ответов оказались такими:

11 ответов были связаны со временем написания и подачи докладов: «Главное — сдать вовремя», «главное — сесть за него».

6 ответов подчеркнули важность источника, его самостоятельного анализа. «Главное — проанализировать источник».

5 ответов описали заинтересованность в теме исследования. «Главное — писать для себя», «главное — выбрать интересную тему».

Давай с нами!

Мы очень любим, когда приходят новые люди (или старые знакомые) и говорят: «Привет, а давайте сделаем вот это».

Если хочешь поучаствовать в любом из проектов или создать свой, обязательно расскажи!

vk.com/clubssmsu

Ищем статьи!

[<10 000 знаков
научно-популярный стиль
минимум сносок
список литературы]

Следующий номер будет посвящен Византии и варварам! Если ты хочешь опубликоваться, но не занимаешься этой темой, напиши и расскажи о своих интересах — мы придумаем что-нибудь классное вместе.

vk.com/hist_post_past

